

Список литературы

1. Дай лапку // http://givepaw.ru/blog/43799601798/Rodnyie?utm_campaign=transit&utm_source=main&utm_medium=page_11&domain=mirtesen.ru&paid=1&pad=1
2. Конфуций. Луньюй // Конфуций. Уроки мудрости. Сочинения. – М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во «Фолио», 2006. – С. 17-128.
3. Нерсисянц В. С. Философия права. Учебник для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА. – М., 1998.
4. Патриотический акт – "Мәңгілік Ел". Полный текст // <http://www.kazpravda.kz/news/politika/patrioticheskii-akt--mangilik-el-polnii-tekst/>

РОЛЬ ТВОРЧЕСКИ-ЭТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗЛИЧИЯ ПРИРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Гилязова О. С.
г. Екатеринбург, УрФУ

THE ROLE OF THE CREATIVE-ETHICAL POSITION OF THE PERSON IN THE CONTEXT DIFFERENCES OF NATURE AND CULTURE

Gilyazova O. S.
Yekaterinburg, Ural federal university

Аннотация. В статье рассматривается философско-этическая рефлексия современных российских мыслителей Ю. М. Бородая и В. Руднева о роли творчески-этической позиции человека в мире.

Ключевые слова: культура, И. Кант, нравственность, этика, трансцендентность, позиция Автора.

Abstract. The article is devoted to the modern Russian thinkers' philosophical and ethical reflection on the role of creative and ethical position in the world.

Keywords: culture, I. Kant, morality, ethics, transcendence, position of the Author.

С древности мыслители проблематизировали соотношение природы и культуры, бытия и сознания, чувственного и сверхчувственного бытия, нередко приписывая различию между ними не только эпистемологический, но и

онтологический характер. Данная тенденция имеет продолжение и в современную эпоху. Так, например, современные российские философы Ю. М. Бородай и В. П. Руднев, на взглядах которых мы здесь подробнее остановимся, радикализируют неокантианский (имеющий еще платоновские корни) дуализм в онтологическое двумирие, приравнивая сверхчувственную сферу бытия к некому антимиру, имеющего особого рода время и причинность [См.: 1, с. 72]. В данной статье попытаемся доказать, что данные сферы бытия, помимо отличия, доходящего иногда до непреодолимого онтологического разрыва, характеризуются также связью и единством, воплощением и выражением которого служит именно человек, а вернее его творчески-этическая позиция в мире.

Как пишет Ю. М. Бородай: «Для него (И. Канта – О.Г.) наличие человеческой нравственности – неопровержимое доказательство реального существования потустороннего мира, если угодно, «дыра» в трансцендентность. Ведь обретение способности к самостоятельной («автономной» – И. Кант) ценностной ориентации и, соответственно, к сознательному целеполаганию и целесообразной деятельности – это прорыв всеобщей природной взаимосвязанности и автоматической заданности с выходом в какой-то иной ирреальный мир» [2, с. 198]. Подобный «ирреальный мир» – это мир культуры, преддверием к которому служит способность желать и избирать, коей наделено всё живое, ибо, согласно Бородаю, «уже на уровне «желания» – фундаментального качество всего живого – скрыт элемент произвольности, след потусторонней реальности» [2, с. 193].

Культура, не устранив наличной действительности, высвобождает человека от гнета ее обязательности созданием и сознанием других миров. Эстетика, включающая в себя сферу искусства как создания художественных миров (где свобода есть творчество), и этика, в которой сфера долженствования понимается как основание создания и функционирования социального мира (где свобода есть свобода воли и выбора) составляют культурный, чисто человеческий мир.

Кстати, даже в стремлении дать определение культуры (ответить на вопрос: «Что есть культура?») соперничают два подхода/ акцента: эстетический (культуру сводят к сфере искусства, творчества, произвола, индивидуализма, элитарности) и этический (культуру сводят к определённым допустимым и/или предпочитаемым формам и нормам поведения, правилам совместного общежития). Но эти два

подхода едины в том, что относятся и относят культуру к рукотворной, очеловеченной и осмысленной сфере действительности.

Согласно Ю. М. Бородаю, следующему кантовскому представлению и христианской традиции, человека делает человеком в онтогенезе не только и не столько способность к трудовой деятельности, как полагает К. Маркс¹, сколько способность к нравственному выбору, нередко ставящего перед требованием идти против самого себя. (См., например, идею М. Шелера о человеке как месте встречи могущественного, но слепого жизненного порыва и всепостигающего, но бессильного духа [см.: 3, с. 190]). В этой мучительной борьбе с самим собой человек обретает себя как независимого от своей естественной и природной сущности эгоистичного и эгоцентричного существа². Человек обретает свободу творить себя и свой мир своим выбором. Недаром Ж.-П. Сартр считает, что личность – это тот выбор, который она совершает. Человек конституирует природный мир в культурный своей позицией Автора, автора своих поступков и желаний, автора своего выбора и действий, которые важны (и здесь я присоединяюсь к К. Марксу) не только в этическом, но и материально-практическом измерении. «Обретение человеком способности свободного нравственного суда – это бунт против Бога и его творения – божьего мира. Отныне «божий мир» (окружающая нас природа) не принимается человеком однозначно как единственно «правильный» и возможный. Нравственный долг требует активно искоренять в этом мире зло и утверждать (строить) добро, т.е. посредством осмысленных целенаправленных действий творить новый мир – более совершенный, чем «божий»» [2, с. 197].

В межличностных отношениях, как и в искусстве (где творят новый мир в форме художественной действительности), так же производят новый мир – социально-этическую действительность, материалом которой служат не фантазии,

¹ Скорее, необходимость в ней для элементарного выживания – лишнее доказательство нашей прикованности к природному бытию, давлению которого человеческая деятельность сопротивляется, но не преодолевает.

² По сравнению с животным, которое всегда говорит «да» действительному бытию, даже если пугается его и бежит, человек — это *«тот, кто может сказать «нет», «аскет жизни», вечный протестант* против всякой *только* действительности. Одновременно, по сравнению с животным, существование которого *есть* воплощенное филистерство, человек — это *вечный «Фауст»* (...) никогда не успокаивающийся на окружающей его действительности, всегда стремящийся *прорвать пределы* своего здесь-и-теперь-так-бытия и своего «окружающего мира», в том числе и наличную действительность собственного Я [3, с. 164].

а мотивы, идеалы, нормы, не краски и звуки, а поступки. «Поступай так, как если бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна была стать всеобщим законом», т. е. поступай так, как если бы ты сам стал Богом! – вот исходная чистая формула нравственно-ценностного отношения к действительности» [2, с. 197]. Следование кантовскому категорическому императиву фактически требует от человека быть каждым своим поступком, каждым мотивом его совершения законодателем в этической области для всего человечества. Но человек как законодатель этического мира становится еще и его носителем, обремененным непосильным грузом моральной ответственности: он обязан подчиняться созданному им миру, чтобы оставаться его владыкой. Подобный же императив движет и любым художником, чувствующим неизбежность своего призвания, которому вынужден подчиняться, чтобы не предать себя. Только вместо: «Поступай!», он слышит: «Твори, создавай новый мир так, как если бы ты сам стал Богом – Творцом (на пределе своих творческих возможностей). Твори действительность, заселяй ее, будь ее творцом, правителем, законодателем, судьей, т.е. Богом – Автором». Не умея соперничать с Богом в творении наличной природной действительности, человек используя её как подручный материал, преобразует ее в художественные и социальные реальности так, что собственно наличной действительностью человека становится не некое «чистое природное бытие», чью девственную нетронутость вынужден был потревожить и Робинзон Крузо, хотя бы для того, чтобы сохранить в себе человека, а социальная, интерпретированная и осмысленная в текстах, смыслах и знаках действительность. В творчестве (искусстве) человек уподобляется Творцу тем, что не просто преобразует действительность, а творит особую, до него не бывшую и без него невозможную, действительность в художественной форме, т.е. квазидействительность. Для своей реализации, материализации его художественный замысел требует обязательного использования средств наличной физической действительности³; но сами по себе, вне предписанного им назначения быть выражением сверхчувственной реальности, эти средства ничего не значат и не образуют.

³ И в этом – вторичность человеческого творчества по сравнению с Божественным, вторичность квазидействительности по отношению к обычной действительности

Человек в своей творчески-производящей деятельности (в качестве ли художника или мастера) настолько свободен, насколько его мощь как творца превосходит давление реальности (в т.ч. и материальности) мира или умеет совладать с нею. Чем меньше давления, тем больше возможности для произвола, недаром так легко творить и изменять миры фантазий. Впрочем, не следует обманываться гибкостью и «малой сопротивляемостью» психической сферы, которая тоже представляет собою реальность, притом не столь уж податливую, с чем сталкиваются не только психиатры, но и каждый, кто имеет опыт по переубеждению других. Впрочем, даже в своих сновидениях (уж на что субъективных и «единоличных»!) мы, если не брать в расчет т.н. «осознанных» сновидений, обычно не более властны, чем в мире яви. Фактически, если и не от опасности подпасть под власть созданного самими нами мира, то от его ускользания подчинению своему автору – никто не свободен. И с этим сталкивается любой добросовестный автор. Достаточно вспомнить слова А. С. Пушкина о «своеволии» Татьяны, героини известного романа «Евгений Онегин». «Пушкин делится секретом: «Вообрази, какую шутку выкинула со мной Татьяна: замуж вышла». Толстой пересказывает: «Моя Татьяна поразила меня, – говорил Пушкин, – она отказала Онегину. Я этого совсем не ожидал...». Разумеется, тут игра, но важна степень произвола писателя» [4].

Осознанием, игрой и радикализацией данного факта определенной автономности и независимости художественного мира от его создателя выступает, например, постмодернистская поэтика. «Автор из всевластного демиурга превращается в участника той же игры, которую – как правило, неудачно – ведут его собственные герои. Мы отмечали, что сам художественный текст в этой поэтике приобретает значение онтологического жеста автора-творца, осознавшего по ходу сюжета свою зависимость от созданного им мира через метонимическую аналогию с бытием персонажей-заложников сочиненных ими игровых реальностей. [5, с. 291] Так что властно авторская позиция человека в мире, как критерий различения природы и культуры, реальности и текста (по В. П. Рудневу [6]), чувственного и сверхчувственного («потустороннего», по Ю. М. Бородаю) бытия, сфер, изучаемых теоретическим и практическим разумом (по И. Канту), – не должна рассматриваться как автономная субстантивированная позиция. Творческую, деятельностьную позицию человека относительно мира уместнее

рассматривать не столько в качестве критерия различения природы и культуры, сколько в качестве того, что преобразует природный мир в культурный.

Список литературы

1. Гилязова О. С. Специфика социально-гуманитарного знания в контексте объяснительных принципов телеологии и каузальности // Омский научный вестник. 2007. № 5 (59). – С. 72-73.
2. Бородай Ю. М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания / Ю. М. Бородай. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. – 416 с.
3. Шелер М. Положение человека в космосе // Шелер М. Избранные произведения: Пер. с нем / М. Шелер. – М.: Гнозис, 1994. – С. 129-193.
4. Дружников Ю. Дуэль с пушкинистами. Развод Татьяны, в девичестве Лариной // Юрий Дружников: жизнь и книги: Материалы сайта www.druzhnikov.com / Ю. Дружников [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/5.html> (дата обращения: 03.11.2017).
5. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / М. Н. Липовецкий. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1997. – 318 с.
6. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста / В. П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – 432 с.

ПРОБЛЕМА ОСНОВАНИЙ НРАВСТВЕННОГО ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (ОБРАЩАЯСЬ К ИДЕЯМ М. М. БАХТИНА)

Демидова Е. В.

г. Москва, Академия РВСН им. Петра Великого

THE PROBLEM OF THE GROUNDS OF MORAL OBLIGATION IN THE MODERN WORLD (REFERRING TO IDEAS M. M. BAKHTIN)

Demidova E.

Moscow, Academy of SRF them. Peter The Great

Аннотация. Темой тезисов является сравнительный анализ оснований моральной императивности в современных условиях. Автор обращается к идеям М. М. Бахтина, который говорит об онтологичности морали. Онтологичность морали проявляется в структурном или архитектурном универсализме.